

Кузнецова Алина

Девочка, которая убила свою кошку

рассказ

Алина Владимировна Кузнецова
Девочка, которая
убила свою кошку

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28729773

SelfPub; 2018

Аннотация

Рассказ о девочке и женщине, которые встретились в кафе во время дождя. Кто победит в борьбе за время и пространство: Жизнь, с ее сладкими и диковинными рецептами, или Смерть, горькая как крепкий черный чай?

Ты бы видел её, друг мой. Дождь не пощадил ни сантиметра её одежды: кроссовки утопали в грязи, комья сырой земли налипли на подошвы и отяжеляли стройные ноги. Спортивные штаны были похожи на половую тряпку, которой уже успели протереть паркет, а её свитер... Представь, свитер, и это в середине августа! Соглашусь, что погода была скверной последние месяцы, но лето было летом и свитер носить в это время в народе не принято.

Она прибежала будто из леса. Жадно дышала, словно леший гнался за ней до самого края зелёной полосы. Волосы как водоросли налипли на её лицо, а ногти были совсем синие, будто их молотом отбили. Ни одного живого человека в округе я в тот день не видела. Да, точно говорю, дождь целый день поливал как из ведра и ни одного посетителя. Девочка не только потому мне запомнилась. Я видела её силуэт в окне, когда он напоминал лишь движущееся пятно вдалеке. Её бег был странным, на полусогнутых и с поочерёдным выбрасыванием сильных кулаков, словно она готова ударить всякого, кто посмеет встать на её пути. Скомканный комок нервов, зубы сжатые – она ещё не успела войти, а меня уже обдало этой волной маниакальности. Этой неудержимости в камуфляже тотального разрушения.

Из меня рассказчик никудышный: хотелось больше загадки, пафоса, а в итоге все карты в самом начале раскрыла. Что ты улыбаешься так снисходительно, думаешь польстить

мне, лицемер никчёмный? Понимаю тебя, мой друг, я тоже улыбалась ей тогда, но так и не понимаю зачем. Скорее, это было проявление животного страха: вежливость как туманная гарантия безопасности.

В книгах много пишут об обманчивости внешности, да и мне уже не так мало лет, чтобы прикидываться, будто сей факт от меня ускользнул. Но здесь дело было другое: её тело служило лишь лоскутом чтобы прикрыть то, у чего, наверное, даже нет названия. Если бы я или, к примеру, даже ты, да кто угодно, бежал бы в такой ливень, то наверняка ввалился бы в помещение как неуклюжая курица, подрагивая и волоча свои отбитые ноги. Но эта девочка вошла, строго подняв подбородок, отчеканивая каждый шаг и, несмотря на хлюпанья её кроссовок и капли, стекающие по лицу, это зрелище отнюдь не было жалким. Она была отдельно от всей грязи, налипшей на неё. Она была больше, чем её фигура, чем её одежда, чем её имя. Мне казалось, что она больше самой жизни, что теплилась внутри меня, отчаянно стараясь привести дыхание и сердцебиение в норму.

Я как лужа киселя подобралась к ней с предложением пройти в уборную, куда я принесу ей чистые полотенца. Кротко кивнув, она пошла за мной. Забылись вдруг все повелительные наклонения, мои обычные «пройдите» или «вам стоило бы», или хотя бы «взгляните». Превратившись в услужливую каракатицу, я спросила, могу ли предложить ей свою рубашку и джинсы, которые у меня на всякий случай

всегда имеются в шкафчике. Она смотрела на меня так долго и пристально, что я уже совсем и не я и вовсе не предлагаю ей что-то, а ищу дно. Бесконечно печальные глаза, будто вся горесть необъятной разумом Вселенной поселилась в её груди. Нет, мой милый, для души там нет места. Чёрная дыра, а может целых две. Разверзающаяся пустота и в то же время сверхъестественная наполненность разрывали её нутро и расходящиеся по шву ткани трещали так громко, что у всякого человека на Земле закладывало уши.

Протянув ей всё необходимое, я поспешила удалиться из туалета, чтобы девочка привела себя в порядок, но краем глаза, клянусь тебе, случайно, мой взгляд слетел со стены на зеркало, и я увидела её невозможно худую спину. В моём мозгу отпечатались очертания вен, раскинувшихся под её кожей, каждый позвонок, шевелящийся в неслышимом танце, рёбра, похожие на тюремную решётку для больного пороками сердца. И две глубоких прорези вдоль лопаток, будто кто-то выдрал с корнем мощные крылья. Я сбежала, в спешке слишком сильно хлопнув дверью.

Когда девочка вышла, я стояла за стойкой, протирая без того идеально сверкающие бокалы. Разумеется, рубашка была ей велика, но рукава она закатывать не стала и так и села за стол, как Пьеро. А штаны мы перевязали летним голубым шарфом, который я сняла со своей шеи. Не могу понять, зачем я была такой. Сняла свой любимый шарфик, ну быть может не самый любимый, но для кого – кого я не знаю, и

для чего – чтобы использовать вместо ремня. Бросив грязные полотенца в стиральную машинку в подсобке, я подошла к ней, сидящей настолько прямо, будто к спине её привязали швабру. Я всё думала о том, что эта её спина похожа на дорожную карту, испещрённую пройденными за короткий срок километрами. Сотнями и тысячами километров и многими десятками дешёвых кроссовок.

На каждом столе всегда лежат приборы, такая уж у меня, как ты знаешь, своеобразная тяга к тому, чтобы всё было на месте. И вот она, вытащив из-под громадных рукавов свои тонкие пальцы, гладит зубцы начищенной мною вилки. И вижу я эти пальцы, как сейчас: кровоточащие ногти, порезы на коже, костяшки сбиты и лёгкая дрожь до самых кончиков, едва заметная, но мне, как всякому двуногому животному, инстинктивно ощутимая. Не хочет ли она выпить горячего, может, глинтвейна? Сплошной смех варить глинтвейн в августе, но я была готова даже достать хорошего вина. Было ли у меня хорошее вино? Конечно же, нет, откуда ему взяться в этой глуши, но разве об этом шла речь? Она сказала мне так мало, но в голосе её было монотонности больше, чем могли бы уместить в себя обычные человеческие слова.

– Алкоголь снижает ясность ума. Мне нельзя.

Смелость моя знает границы, но хуже всего, что этой самой приграничной чертой стала девочка. Наверняка больна, в ней всё было так нездорово, но как могла я такое спросить? Тогда я предложила ей горячий шоколад.

– Ещё рано для сладкого. Предложите мне что-нибудь другое.

Судорожно я перебирала в голове что-нибудь ещё, но что, если это кафе-кондитерская, а для сладкого рано? И когда будет самое время? Бывает ли кружка горячего шоколада не вовремя, а, скажи мне? Знаю только, что может быть слишком поздно для покаяния, и слишком рано для крепкого виски, но всё остальное всегда приходит вовремя, разве нет? Обуреваемая сомнениями, что это создание хоть чем-то питается, я выдавила:

– Могу налить Вам чай.

– Крепкий чёрный чай подойдёт. Никакого сахара.

На моей ведьмовской кухне стоят баночки с приправами, порошками и прочими веществами, украшающими любое блюдо или напиток. Впервые за всё время моей работы здесь я не притронулась ни к одной из них. Я налила простого крепкого чая, но две чашки. Это был мой вызов ей: я не позволю полноправно захватывать моё пространство, предназначенное для незатейливых и тёплых бесед, тоскливому сидению на стуле. Это был мой вызов себе: не посмею никогда ждать перемены погоды кому-то в одиночестве. Однако я была чрезмерно самонадеянна.

Почувствовать себя пустым местом мне доводилось дважды. Первый раз, когда....Нет, зря я так. Никогда я не была таким прозрачным существом, чтобы сквозь меня глядели, как через воздух. Я взяла чашку и стала пить свой чай, тоже

крепкий, тоже без сахара. Она пила свой и молчала. Долго, долго, долго молчала. Отвратительный вкус, вяжущий язык и скручивающий желудок так, что невольно начинаешь сожалеть о съеденной утром французской булочке. Металлические струны были натянуты до предела, поэтому когда слова вышли из её рта, это прозвучало какофонией криков.

– Если пить крепкий чай, не хочется есть. Я не люблю чёрный, но ещё я не люблю испытывать голод.

Мне нужно было время, чтобы сложить звуки, а потом выудить из них слова, а из слов составить смысл, но этого времени у меня не было.

– Если бежать долго, то можно устать. Когда устаёшь, нет сил на еду и проклятия.

Странное обстоятельство приключилось: она заговорила вдруг посреди тишины, но я так и не почувствовала ни плоти, ни крови. Она строго посмотрела на меня, будто я первоклассница, натворившая что-то непристойное. Подозрительность в её прищуре намекала мне, что моя вежливость и попытка начать разговор была истолкована иначе.

– Зачем Вы пьёте это? Вам неприятно.

Моё лицо выдало меня, и я созналась с лёгким смущением, стараясь максимально использовать свою минутку славы, что сижу и пью эту гадость за кампанию. Но мои второсортные ужимки работали только с людьми, но не с ней.

– Кампания отнимает время. Но сейчас у меня оно есть, ещё двадцать минут перерыва.

Знаешь меня, я любопытная: незаконченные предложения выводят меня из себя, заставляя ёрзать на табурете от возбуждения. Но ещё я гордая, поэтому не стала спрашивать, куда это она так спешит. Вместо этого я предположила, что стоит подождать, когда ливень сбавит обороты:

– Вы пойдёте в такой дождь обратно?

Она ответила мне, затратив на обдумывание больше, чем обычно людям нужно для подобных вещей. Голос её хрипел, не то от того, что замёрзла, не то от чересчур крепкого чая. Это могло быть сказано вскользь. Это могло быть сказано с иронией. Это могло быть шуткой, или чем-то около того – совсем несерьёзным. Но девочка сказала, словно ставила точку острейшим пером, прокалывая бумагу насквозь:

– Я не могу ждать.

Откровенно грубые интонации и нарочитая сухость поразили меня настолько, что я томилась более от сокрытого внутри этой юной особы свойства, нежели от обиды, которая всё же покусывала меня за бока. Девочка встала из-за стола и заявила, что заплатит завтра, так как у неё не было намерения заходить в кафе, потому она и не взяла деньги. Я, разумеется, убеждала, что это всего лишь проявление хлебосольности и человеческого сочувствия и за него не нужно платить.

– Завтра в это же время я принесу Вам ваши вещи, которые Вы мне одалживаете. Спасибо.

В этом «спасибо» благодарности было не больше, чем по-

золоты на моих алюминиевых вилках. Она ушла. Прямо под эту бешенную воду, которая так и норовила наставить синяки своими крупными тяжёлыми каплями. Ушла, всё также размахивая руками, словно в боксёрском поединке.

Спроси меня, что я чувствовала, когда она закрыла дверь? Ничего. То есть совсем ничего. Ещё большее ничего, чем просто отсутствие чувств – это опустошённость. Она словно вытянула все частицы человеческого присутствия из моей кондитерской и из меня заодно. В тот день так жутко болела голова... Говоришь, от дождя? Возможно, даже более вероятно, но всем нравится придумывать мистические истории и уж тем более принимать в них участие, поэтому я склонна перекладывать вину на эту девочку.

Она действительно пришла на следующий день. Погода уже выровнялась, и солнце всю каталось по небу, но на ней не было места для его жарких поцелуев, разве что лицо: укуталась в футболку с длинным рукавом и тренировочные штаны. Но её ноги были босыми и в придорожной пыли. Я хотела было напомнить, что ходить босиком опасно, но был ли смысл в этих предостережениях? Я хотела возразить, что в моём кафе стоит присутствовать в обуви, но какого чёрта я буду такой ханжой? Я хотела спросить, не больно ли ей, но поняла, что знаю ответ и так.

Она была здесь, вот на этом самом месте ровно в 8:33 утра, протягивая мне мою же одежду, но только лучше, чем она была, когда была моей. Выстиранные и выглаженные ве-

щи без единого пятнышка пахли стиральным порошком, а карман рубашки пришит аккуратной строчкой, хотя у меня он всегда был наполовину оторван. Мой взгляд снова упал на её руки. Всё те же ссадины, но пальцы были вдоль и поперёк переклеены пластырем и смотрелись не так убого, как в прошлое утро. Уязвлённая вчерашними манерами, но лишь немного, я позволила себе слегка саркастический тон:

– Может, выпьем чаю? Или Вы опять намерены бежать?

Невозмутимо она отметила, что полчаса для отдыха найдётся, и присела за столик. В этот раз я решила установить свои и только свои порядки, потому принесла приятный чай из листьев шалфея. Принимая во внимание её слова «ещё рано для сладкого», предлагать ей шоколадный пирог не стала. Вместо этого я выложила на тарелку карамельный кекс, посыпанный тёртым миндалём со взбитыми сливками, но только для себя. Конечно, ты раскусил меня, дружок, мне хотелось вызвать в ней аппетит. И знаешь, я ошиблась, полагая, что она не голодна. О, друг мой, поверь мне, настолько голодный людей я не встречала, вот только голод этот был иного рода.

Положив меню на стол прямо перед ней, я села напротив и стала с превеликим удовольствием поедать свой десерт. Он даже не был настолько вкусным, насколько я имела совесть изобразить. Она же невозмутимо пила чай, будто нет никакой разницы между ним и вчерашней горечью или водой из-под крана. Девочка листала меню, медленно вчитываясь в со-

став каждого блюда, словно написано всё на арабском. Пройдя авантюру с подменой чая, я осмелилась предложить ей подкрепиться кашей с фруктами или яичницей с томатами. Она проигнорировала меня, всё ещё читая меню, как будто первый раз знакомится с подобными сочетаниями ингредиентов, что кажется ей нестандартным или может быть чудным.

– Зачем добавлять в кофе сироп, а потом ещё и мороженое?

Это не был вопрос ребёнка. Это был вопрос взрослого человека, всерьёз озадаченного такими сложными вещами. Ну что я могла ответить на такое? Первым порывом было брякнуть, что это вкусно. Сладкое и необычное приносит удовольствие. Но её вопрос был задан так прямо и с таким искренним желанием знать правду, что я не стала глумиться.

– А как Вы пьёте кофе?

Она задумалась, и я увидела, как целые киноленты дней прокручиваются перед её глазами. Вот, она видит себя за чашкой кофе. Забрезжило в ней что-то отдалённо человеческое, но тут же пропало, не оставив после себя никакой надежды.

– Чашка крепкого натурального кофе сама по себе не представляет для меня никакого интереса.

Я жаждала контакта с ней. Моё тщеславие выиграло, требуя во что бы то ни стало разговорить её. Лукаво улыбаясь, я открыто начала кокетничать.

– И всё же Вы иногда употребляете его.

– Это отгоняет сон, стимулируя нервную систему. После десятичасовой почти непрерывной умственной и физической работы кофе неплохо повышает работоспособность, чтобы трудиться ещё хотя бы час или полтора. Но я пью, в основном, прохладную воду и крепкий чай, он...

– Заглушает чувство голода, а Вы не любите его испытывать.

Я заметила: она может и не подала виду, что мой чай много раз лучше тех помоев, которые пьёт время от времени, всё же её ноздри активно раздувались, вдыхая приятный аромат трав.

– Еда отнимает много времени. Её нужно вначале купить, обойдя магазинные полки, стоя в длинной очереди и так далее. Затем её нужно приготовить, и даже если способ незатейлив, он отнимает силы и требует сосредоточения. И естественно, еду нужно съесть. И всё это дело такое неблагоприятное, потому что тело хочет питаться снова и снова. Но голод есть наше спасение. Голод прекрасно подстёгивает любой нормальный человеческий организм. Ты хочешь есть и обещаешь своему желудку наполнить его пищей по прошествии проделанной работы. Вот здесь-то мозг творит чудеса, мобилизуя всю энергию тела, чтобы, исполнив задание, насытиться вдоволь. Примитивное создание желает только еды, воды и сна. На этом можно заработать бонусы. Можно договориться самим с собой. Но это не отменяет то рабское,

что есть в каждом из нас. Мы не вольны приказать даже своему телу.

От меня не требовалось ответа, да и что тут сказать, ты знаешь, что я люблю поесть. А ещё больше я люблю вкусно поесть. Помнишь, как мы были на Кипре и пробовали великолепное мясное ассорти? Немного местного вина, сладкого-сладкого. Ублажать себя, своё самолюбие, свой желудок, свой язык медленно, с шармом, с нескрываемым восторгом. Ответь мне, что постыдного в том, чтобы любить свою слабость?

– Если так рассудить, то можно и от голода помереть.

Чашка с приглушённым стуком была поставлена на блюдце. Девочка чуть повернулась, и свет упал на её скулы как-то косо, как-то криво, что они стали вдруг агрессивно-очерченными, словно их просто обтянули кожей. Большой рот, он мог бы быть красивым, если бы губы не высохли и не побелели. Белое, серое с оттенком голубого – таким было её лицо.

– Помереть – это то, от чего мы пляшем. Это точка старта. Не всем суждено быть яркими. Некоторые из нас – мертворождённые.

При последних словах мне вспомнилась её спина, её босые ноги, её пустые жилы.

– Кто это?

На стене, которую она сверлила своими мутными глазами, висела картина. Точнее, тогда вся стена была увешана

ими, но девочка имела в виду одну особенную. На ней была изображена обнажённая Венера, чьих ног не достигали волны океана. Она заплетала в косу свои длинные волосы и была прекрасна.

– Правда, чудесная вещь? Мне её подарили на день ангела. Идеальная женщина.

На этом месте невероятное нервное возбуждение охватило меня, и появилось оно не на пустом месте. Девочка опустила свою руку совсем рядом с моей и пальцы так сильно вжались в стол, что казалось, останутся глубокие вмятины.

– Мне довелось видеть женщину, саму жизнь. Ей было далеко за сорок, но какая молодость была в каждой чёрточке на её коже! Она заигрывала со всеми, кто смотрел на неё. И я, я тоже смотрела, я не могла оторвать глаз, хотя и знала, что пялиться так открыто – как минимум неприлично. Но мне так хотелось напиться из колодца её неиссякаемой жизни. Она – источник, спущенный страждущим. Костёр, у которого могли бы погреться сотни и тысячи замёрзших насмерть. Жесты такие сочные, такие лёгкие. Щебечущая жар-птица.

Нездоровый румянец выступил на скромных щеках той девочки. Но холод не ослаблял своей хватки. Она откинулась на спинку стула, но всё же это было напряжённо, будто её толкнули.

– В Вас тоже что-то такое есть. Вам повезло. Благодарите Бога.

На этом девочка встала, положив на стол деньги. Там бы-

ло больше, чем нужно, но я не успела вернуть сдачу. Да чего там, я не успела даже подумать о сдаче. Я благодарю. Благодарю Бога, но теперь ещё более горячо, после её слов. Начала с той же секунды, как только осознала. А потом пришли посетители, возвращая меня в прежнюю, мою простую обычную жизнь, которая известна мне как пять пальцев на правой руке.

Она не приходила около двух дней. Я стала ждать землетрясения. Поглядывала в окно, надеясь встретить торнадо. Сильный дождь принёс мне бессонницу и заманил меня в какие-то дебри.

Девочка сидела за столом, который негласно был зарезервирован ею, пока я обслуживала клиентов. Было чуть более часа дня и посетители пришли на обед. Все в глаженных рубашках и деловых брюках, что мужчины, что женщины. Они ели, пили и говорили о делах, делах, делах. На девочке болталась выцветшая чёрная майка, какие-то штаны и всё те же кроссовки. И руки. Они были так исцарапаны, как будто девочка со всего маху слетела с велосипеда на асфальт. Грубые болячки кое-где отвалились, оставив оголённое мясо, в некоторых местах виднелись шрамы. Не хотела бы я так пораниться. Не хотела бы я знать, откуда это всё на её руках.

Есть ли пределы самонасилия? Лишать себя еды, сна, травить себя стимуляторами, вроде фенотропила. А потом что? Истязать себя за неповиновение, держать тело в ледяной воде, пока не отгонишь мысли о жалости, пока не передумаешь

волком выть. Есть ли черта, у которой стоит остановиться? Да и может ли остановиться загнанная лошадь, рвущаяся на всех порах то ли от ужаса, то ли вслед за ним?

Я нашла для неё пару минут между заказами, хотя в тот день работала лишь я и мой повар. Кому я лгу, конечно же я с превеликой жадностью бросилась к ней, как только смогла.

– Почему Вы снова в кроссовках? – Спросила я после того, как получила наказ принести два стакана апельсинового сока.

– Потому что я бегаю. Я всегда бегаю, если не занимаюсь. А если не бегаю, то стою на голове. Я готовлюсь к олимпиаде. Хочу поступить в университет бесплатно. Поступить и уехать отсюда в другой город, чтобы никогда больше не видеть свою мать. Можно мне взять эту картину, с Венерой?

Столько откровений в одном предложении сложно было ожидать от неё. Я рассеянно посмотрела на стену. Рама была немного наклонена, словно её кто-то уже потрогал, хотя есть вероятность, что мне просто показалось.

– В каком смысле?

– В смысле, можно я куплю её?

Мне хотелось что-то сделать для неё, что-то хорошее, но скорее на откуп, нежели от чистого сердца. Но я почему-то быстро ответила, что картина не продаётся и убежала на кухню, потому что и так слишком задержалась в час-пик у одного столика. Лавируя с подносом, я совсем упустила из виду эту пришлицу, но зато она не упустила из виду меня. Девоч-

ка сидела вплоть до последнего клиента, но я уже не спешила к ней. Она дала мне подойти поближе, усыпила мою бдительность, только для того, чтобы забрать то, что ей нужно. Она давно опустошила свои стаканы с соком и сидела смиренно, как прилежный ученик за партой, уставившись взглядом в стену.

– Если её нельзя купить, то можно обменять на что-нибудь.

Изумившись, я даже спросила, на что именно, но при этом картину отдавать не собиралась. Она хотела кусочек моей собственности. Сначала это была просто картина, но потом это могла быть моя жизнь. Для тебя звучит как иррациональная чепуха, но ты не стоял рядом.

– Я же говорила, что это подарок.

Девочка выходила из себя, теряя самообладание столь же быстро, сколь учащался её пульс.

– Я просидела здесь три часа, растеряв своё драгоценное время. Это очень дорого стоит. Это значит потерю моей возможности лучше подготовиться.

Моё великодушие тоже имеет свойство кончаться и происходит это, когда неприятное ощущение под ложечкой диктует мне условия. Мне нравятся люди, даже если они представляются не в самом выгодном свете. Они не перестают нравиться мне даже проявляя глупость, и я бы сказала, особенно проявляя её. Но когда чьи-то руки тянутся к моему горлу, я против! На меня стараются возложить вину за то,

что я оберегаю своё. За то, что подаю вкусный чай, вместо горького чифиря.

– Не думаю, что обсуждение здесь уместно.

Меня била дрожь, но не от злобы, а от ужаса, будто что-то явное угрожает мне. Но, несмотря на это, я изо всех сил создавала иллюзию контроля: своим видом я дала понять, что не собираюсь подыгрывать чужому нахальству и не сдвинусь с места. С моего собственного, прошу заметить, места. Что ты смеёшься, да я вспыльчива, но ведь меня можно понять! К тому же, картина всё равно более здесь не висит. Куда она делась? Кто она, картина или девочка? Обе?

Девочка вернулась вечером. Воспалённые глаза требовали реванша. Она плелась едва ли стоя на ногах. Из носа текла кровь, а тело её дёргалось на ходу как от судорог. Я не могла оставить её, бедное дитя. Промелькнула мысль, что я ужасная женщина, разразившаяся на неповинную девочку, измученную чем-то невообразимым для меня. Вернувшись с кухни с упаковкой льда, я не нашла ни её, ни Венеры. Что я сделала? Вначале вздохнула с облегчением, а уж потом для порядка разочарованно выругалась как следует, подумав, что наверняка она изляпала картину кровью.

– Я уеду отсюда.

Она явилась неделю спустя или около того. Я её почти не узнала. Платье чуть ниже колена, правда руки прикрыты, всё в цветах. Волосы забраны в аккуратную косу, а на ногах туфли. Выправка солдатская и холод всё такой же, неисто-

вый. Голодные глаза и жёсткие пальцы.

– Я просила, но не было сил терпеть Ваш отказ. Она была нужна мне.

Мы молчали. Я стояла за стойкой и ждала, когда мои губы разомкнутся или когда её слова станут более человеческими. Пока что я слышала лишь животное.

– Я убила свою кошку.

Знаешь, наше проклятье состоит в том, что мы никогда не будем другими. Это серебряное кольцо можно переплавить, а человека не переделать. Можно лишь запретить себе думать дурное, но дурное от этого не исчезнет. В этом есть и плюсы: доброе от того, что его забываешь, не проходит бесследно. Ничто не проходит.

– Она смотрела в стену. На Венеру. Смотрела так, будто в ней действительно что-то есть. Моя кошка смотрела на эту женщину. Эту идеальную женщину. А я загибаюсь от того, что хочу быть лучше. Это было просто, даже слишком. Просто свернула ей шею. Хватило жалости похоронить, а не бросить за железную дорогу, хотя она того не заслужила.

Что стало с Венерой, я не спросила, да и нужно ли было? Положив лоб на ладонь, я произнесла вдруг:

– Кто эта женщина? Женщина – жизнь?

– Моя мать.

Девочка сделала паузу, а потом продолжила:

– Сегодня я напишу олимпиаду. Напишу её лучше всех и уеду далеко от этого места. Я усердно трудилась, я сделала

всё, что могла.

– Зачем? Что ты теперь будешь делать с этим?

Она улыбалась. Так улыбаются маленьким детям, когда те спрашивают, почему небо голубое.

– Теперь я буду жить.

И она ушла, так же как и пришла – без моего согласия. Я всё думала, куда же она шагает так твёрдо, так уверенно. Это была катастрофа чужого человека, которую я пережила остро, как свою. Это была смерть, изо всех сил стремящаяся к жизни. Но всё же это смерть. И вера, самая сильная на Земле.